
Леонид Горизонтов

**ИМПЕРИЯ В РЕГИОНЕ,
ИМПЕРИЯ-РЕГИОН,
ИМПЕРИЯ РЕГИОНОВ**

Как империи соотносятся с регионами? Подобная постановка представляется важной и в общетеоретическом плане, поскольку империи и регионы структурируют, организуют сложносоставное пространство, и ввиду особенностей современной эпохи, которая по праву может считаться эпохой не только глобализации, но и регионализации¹. В отличие от физико-географической реальности — территорий, пространства множественны, они накладываются друг на друга, взаимопроникают, взаимодействуют между собой². По своим законам, в частности, функционирует пространство культуры — злостный нарушитель порядков, устанавливаемых пространством политическим. Современный мир, который многими воспринимается как постимперский, все более приходит к пониманию того, что империя — форма, ступень, категория глобализации. Сходная функциональная нагрузка просматривается и у регионов.

В. С. Соловьев различал «настоящие», «подлинные» империи, способные осуществить синтез односторонностей Востока и Запада, которые, согласно его младшему английскому современнику Р. Киплингу, «никогда не встретятся», ибо «Восток есть Восток, а Запад есть Запад» (в оригинале 1889 г.: «Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet»). Между прочим, третью века ранее, в период Крымской войны, М. П. Погодин также призывал «понять, что Запад есть Запад, а Восток есть Восток». С точки зрения Соловьева, размышлявшего по случаю столетия смерти Екатерины II, одни империи слишком западные, другие чересчур восточные. В этой связи философ называл Речь Посполитую и Османскую империю «двумя культурно-политическими односторонностями» и усматривал искомое равновесие в Российской империи³.

Географически, в отличие от своих евразийских соседок — Российской и Османской империй, вся Австро-Венгрия принадлежала Европе. Однако социокультурные границы Европы менее очевидны

---

¹ Некоторые сюжеты более подробно освещены нами в статье: *Горизонтов Л. Е.* Славянские народы и империи в долгом XIX веке. Размышления о векторах исследований // *Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития.* Материалы всероссийского совещания. М., 2005; *Горизонтов Л. Е.* Украина в зеркале регионалистики // *Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе* / Отв. ред. Л. Е. Горизонтов. — М., 2005.

² *Косолатов Н.* Глобализация: территориально-пространственный аспект // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2005. — № 6.

³ *Соловьев В. С.* Сочинения в двух томах. — М., 1989. — Т. 2. — С. 602–604; *Погодин М. П.* Сочинения. — М., 1874. — Т. 4. — С. 252.

и исторически изменчивее. В Европейской части Российской империи отчетливо присутствует Восток: по мере приближения к Югу или Северу регионы оказываются здесь, как правило, и более восточными (ориентальными, азиатскими, евразийскими). В то же время русская цивилизация продолжается за Уралом, вследствие чего Сибирь и Дальний Восток обретают европейскую доминанту. Начавшая как раз в австро-венгерские времена свой отрыв от традиционного общества (революция Мэйдзи произошла в год утверждения дуалистической системы) самая восточная на планете Япония проделала такую эволюцию, которая, в известном смысле, позволяет видеть в ней часть западной цивилизации. Следовательно, более западное в географическом отношении вовсе не обязательно тождественно европейскому, а восточное — азиатскому.

Для русского европейца второй половины XIX в. Белград и Бухарест — «полуевропа», находящаяся между Азией и Европой. Этой же переходной зоне принадлежит и Россия. Характерно, что подобные соотнесения содержались в комментарии министра внутренних дел П. А. Валуева к способу проведения реформ в Царстве Польском, крестьяне которого едва ли большие европейцы, чем русские крестьяне⁴. Европейские владения Османской империи состояли в ведении Азиатского департамента российского Министерства иностранных дел. Точнее сказать, не европейского департамента, поскольку он, «хотя и называется азиатским, но есть в то же время африканский, американский, австралийский, славянский, греческий и т. д.»⁵.

После начала распада империи султанов, согласно Э. Хобсбауму, «многие из отвоеванных или освобожденных земель можно было назвать «европейскими» лишь из вежливости; фактически Балканский полуостров все еще рассматривался как «Ближний Восток»». Действительно, Балканы являлись главной ареной *Восточного* вопроса — этот термин функционировал с конца XVIII в. вплоть до периода Первой мировой войны. Усиленно занимаясь заимствованием, Сербия, Болгария и Румыния, по сути, зачастую ограничивались имитацией европейских норм и институтов. Еще более радикально звучала оценка австрийского канцлера Меттерниха, полагавшего, что «Азия начинается там, где Восточное шоссе выходит из Вены»⁶. Габсбургскую монархию именовали Дунайской. Как в случае с Волгой, течение Дуная и тем более обширный его бассейн отличались огромным культурным разнообразием.

Если локализация империй в Европе или вне ее вызывает такие сложности, то с тем большими затруднениями сталкиваются

⁴ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. — М., 1961. — Т. 1. — С. 263; Горизонтов Л. Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. — М., 2004.

⁵ Русские мемуары: избранные страницы, 1826–1856 гг. — М., 1990. — С. 576.

⁶ Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. — Ростов-на-Дону, 1999. — С. 27–28; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX вв.). — СПб., 2006.

исследователи, соотнося империи с европейскими макрорегионами. Представления о Восточной, Центральной и Западной Европе, сделавшиеся значимыми категориями современной культуры, сформировались еще при жизни континентальных империй. П. И. Якушкин следующим оценочным образом использовал ставшую достоянием тогдашней учебной литературы классификацию для описания своих странствований по России. «Харчевня, в которую я вошел, по вывеске была Европой, но по наружности была только Европой Восточною: нам известно, что, по географиям Арсеньева и К^о, Европа есть Восточная, есть и Западная. Мне на этот раз пришлось быть в Европе Восточной»⁷. Когда мир шел к первой глобальной войне, Австро-Венгрия и ее союзница с 1879 г. Германия стали устойчиво ассоциироваться с центральными державами, отделяющими Россию от держав западных.

В Центральную Европу, в отличие от Восточной, сейчас хотят попасть многие, за почетное право обладать географическим центром Европы спорят. Так, некогда находившиеся на периферии Австро-Венгрии, но очень разные Словения и Западная Украина позиционируют себя частью Центральной Европы. При этом, принимая во внимание исторические ритмы развития континента, последняя, вопреки своему названию, должна быть отнесена не к его центру, а к периферии, максимум — к переходной полупериферийной зоне. Вопрос, служит ли стремление в Центральную Европу выражением центральноевропейской идентичности или лишь заявкой на ее формирование, в той или иной степени осуществимой? Как данная тенденция соотносится с балканским и восточнославянским тяготениями?

Желание утвердиться не просто в Европе, но в ее центральном ядре при максимальном дистанцировании от России обеспечило распространение концепции Центрально-Восточной Европы. Поляки, выступающие, пожалуй, самыми деятельными строителями этой конструкции, называют регион *Europa Środkowa-Wschodnia*. По-английски он определяется как *East Central Europe*. В современной российской литературе утвердилось наименование «Центрально-Восточная Европа» (по-украински — *Центрально-Східна Європа*). Во всех случаях речь идет не о центральной (и даже не западной) части Восточной Европы, а о восточной части Центральной Европы. Немецкие ученые из Лейпцига пишут о «Восточном регионе Центральной Европы»⁸, подразумевая, вероятно, существование в ней и Западного, германского, региона, весьма, впрочем, зыбкого в силу неоднократного переноса границ Германии, особенно восточных.

После распада СССР и социалистического блока была создана целая сеть институтов Центрально-Восточной Европы. В истори-

⁷ Якушкин П. И. Велик Бог земли Русской! и другие рассказы. — СПб., 1895. — С. 153.

⁸ Хадлер Ф., Тренге Г.-К. Польша в Восточном регионе Центральной Европы: Национальная специфика и общерегиональные черты // Русский исторический вестник. Международный ежегодник. — М., 1998.

ческой ретроспективе этот регион принято возводить к Австро-Венгрии и Речи Посполитой, принадлежность к которым, таким образом, делается своеобразным пропуском во все тот же Центр Европы. При этом приверженцы концепции, опасаясь негативных коннотаций, как правило, избегают рассмотрения Польско-литовского государства в качестве империи⁹. Отношения между регионообразующими империями не были простыми. Ягеллоны правили в Венгрии и Чехии. Хотя поляки спасали Вену, Габсбурги приняли участие в разделах Речи Посполитой и многие десятилетия владели Краковом. Польское австрофильство, однако, имело место не только среди подданных императорско-королевского величества¹⁰.

Очевидны большие проблемы с гомогенностью и тем более идентичностью конструируемого макрорегиона, в чьих пределах, в частности, оказывается вся территория современных Украины и Белоруссии. Налицо, пожалуй, не столько архаизация сегодняшних реалий, их прочтение в свете определенных историко-культурных традиций, сколько экстраполяция современных геополитических проектов в прошлое. Во введении к подготовленному коллективом польских и западных авторов обобщающему труду по истории Центрально-Восточной Европы особо подчеркивается, что они идут «за новейшими, отчетливо формулируемыми воззрениями динамично развивающихся национальных исторических школ: белорусской, литовской, украинской, которые очень сильно акцентируют свою принадлежность именно к Европе, определяемой как Центрально-Восточная»¹¹. В ходе обсуждения в Люблине указанного труда прозвучало много критических замечаний ученых из России, Германии и Израиля, к участию в проекте не привлекавшихся.

С точки зрения исторических реалий, возможно, правильное было бы говорить о *регионе континентальных империй*, которые во многих отношениях являлись своеобразными сообщающимися сосудами. Они могли входить в противоборствующие коалиции, но их связывали периодический «обмен» территориями, разделенные по прихоти истории этносы, неуступчивый абсолютизм, столкнувшийся с вызовами этнокультурного многообразия. Особенно четко эта трансимперская сопряженность прослеживается в геополитическом измерении: взаимное наложение зон влияния одной империи на другую имело следствием создание обширных пограничч¹².

⁹ Nowak A. From Empire Builder to Empire Breaker or There and Back again: History and Memory of Poland's Role in East European Politics // *Ab imperio*. — 2004. — № 1. — С. 255–261.

¹⁰ Kieniewicz S. Orientacja austriacka w Polsce Porozbiorowej // *Roczniki Historyczne*. Poznań, 1949. — R.XVIII.

¹¹ Historia Europy Środkowo-Wschodniej. — Lublin, 2000. — Т.1. — С.19.

¹² См.: Горизонтов Л.Е. Русско-польское противостояние XIX — начала XX вв. в геополитическом измерении // Европейские сравнительно-исторические исследования. — Вып.2: География и политика. — М., 2006.

У Российской империи, где традиционно недолюбливали и турок, и австрийцев, и венгров, были два зеркала — габсбургское и османское, в которых особенно рельефно отражались ее собственные, далеко не всегда привлекательные, черты. Существовал еще и план, связанный с историей повседневности. Так, российские подданные любили ездить в Карлсбад (чешские Карловы Вары), но, как заметил мемуарист, этого нельзя сделать, «чтобы не коснуться австрийской земли»¹³.

К исходу второго десятилетия XX в. Центральные державы потерпели поражение, получил свое решение Восточный вопрос. Начатый на Балканах еще в первой половине XIX в. процесс распада империй завершился, и регион империй трансформировался в регион малых, в оптике флагманов европейской политики, государств. Некоторые из государств-наследников, причем, по иронии истории, как раз те, где утвердилась гегемония наиболее активных в прошлом разрушителей империй (поляки, сербы), пошли по пути создания собственных мини-империй. Большое имперское пространство России было восстановлено Советским Союзом.

После Второй мировой войны регион малых государств, независимость которых являлась величиной относительной, был консолидирован в восточноевропейский (и даже просто восточный) советский блок — без Австрии, но с заэльбской частью Германии. Последовавший в конце XX столетия очередной геополитический катаклизм способствовал актуализации как имперских мифов (габсбургского в том числе), так и представлений о Центральной Европе¹⁴.

Концепту *империи-региона* присуща абсолютизация особенностей каждой империи и самодостаточности имперского организма. Имперская идентичность в данной оптике становится доминантной. В плоскости культурных архетипов империя соотносится с миром, материком, океаном, цивилизацией, иллюстрацией чему может служить евразийская историософия. Соответственно появляется потребность в конституировании наряду с общей империологией особых научных направлений, обращенных к изучению отдельных империй (аустро-хунгаристики, например¹⁵). С империей-регионом связаны представления о естественных границах, к которым та стремится и, выходя за пределы которых, слабеет.

¹³ Горизонтов Л.Е. Карлсбад имперской России и культурная феноменология международного «водяного общества» // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. — Ставрополь; Пятигорск; Москва, 2007.

¹⁴ Центральная Европа как исторический регион. М., 1996; Центральная Европа в Новое и Новейшее время. (Сборник к 70-летию Т.М.Исламова). — М., 1998; Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. — М., 2000.

¹⁵ Крючков И. В. Современная «аустро-хунгаристика» и проблемы междисциплинарности исторического исследования // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». — М., 2005.

Действительно, что происходит, когда империя раздвигает свои границы: творимый ею регион расширяется вместе с государственным пространством или она выходит за органические для нее региональные рамки? Не менее интересен случай с обратной динамикой. Габсбургская монархия распространялась на Балканы и Апеннины, претендовала на доминирование в германском мире, имела восточнославянский вектор интересов. Владения Османской империи со второй половины XVIII в. заметно уменьшаются, причем образовавшиеся независимые и вассальные государства все более самостоятельно воюют с бывшей метрополией. Оставаясь империей, Блистательная Порта утрачивает статус великой державы и ведет отчаянную борьбу в Европе, дабы сохранить значение региональной державы. Таким образом, не все империи XIX в. — великие державы, хотя можно согласиться с Д. Ливеном, считающим, что «в то время империи были единственным способом существования великих держав»¹⁶. Думается, что в феномене империи-региона следует искать корни некоторых региональных держав.

В основе империи-региона видится с неизбежностью воспроизводимая геополитическая матрица. Правда, на австро-венгерском материале это представление находит не самое убедительное подтверждение. Дунайская империя не переживала реинтеграции, сопоставимой с Российской в советское время. Интеграционные импульсы шли главным образом извне постгабсбургского пространства: сначала, в межвоенный период, с Запада, затем с Востока, ныне снова с Запада. В зависимости от этого Центральная Европа становилась более Восточной или Западной.

Тем не менее, *постгабсбургский регион* не столь уж иллюзорен. Отрешиться от такой ретроспективы весьма нелегко, пока историческая традиция получает ностальгический отклик в обществе, что живо обсуждается сейчас применительно к постсоветскому пространству. Во всяком случае, в культурной сфере, в менталитете, в системе идентичностей, в историческом сознании «связь времен» распадается в последнюю очередь и, наконец, никогда окончательно.

В контексте процессов XXI века Австро-Венгрия может казаться своеобразной учебной моделью, прообразом единой Европы: ее народы прошли значительный, хотя и отнюдь не однозначный, не дающий оснований для идиллических картин, путь в направлении полицентризма, искусства компромисса, толерантности, мультикультурализма. Регионы империи Габсбургов воспроизводят в миниатюре европейские Юг, Восток и Запад.

Сами империи состоят из регионов. Визитной карточкой Австро-Венгрии стало обозначение ее «лоскутной империей». Концепт *империи регионов* получил широкое признание в кругу специалистов, что совсем неудивительно во времена, когда

¹⁶ Эксперт. — 2008. — № 1. — С. 59. Специальный тематический выпуск московского журнала, озаглавленный «Россия: пять веков империи».

реально утверждается модель Европы регионов. В данном измерении миссия империи состоит в соединении разнородных частей в жизнеспособное целое.

Регионы отличались большим разнообразием, распределяясь между имперскими центрами (империи полицентричны) и асимметричной периферией, и обнаруживали свою специфику во взаимодействии как с соседями, так и с государствообразующими ядрами (*core area*). Не являясь механической совокупностью, они образовывали сложную систему.

При анализе взаимодействия центра с окраинами первый рассматривается главным образом как средоточие власти, что неоправданно заслоняет региональную природу центра (центральный регион). Из числа окраин предпочтением исследователей пользуются регионы с выраженной национальной доминантой. Национальные пространства являются геополитическими проекциями национальных идей. Чтобы все идеальные, воображаемые отечества могли материализоваться, необходима территория, существенно большая наличной. Наложение национальных пространств друг на друга, разногласия по поводу границ внутри империи и статуса различных ее территорий создавали немалую напряженность, но, вместе с тем, обеспечивали важный ресурс жизнеспособности и долговечности империй, получавших возможность руководствоваться древней, как мир, сентенцией *devida et impera*. При этом в качестве верховного арбитра империя нередко обеспечивала зонтичное прикрытие для формирования наций со стартовыми возможностями, уступающими потенциалу их региональных конкурентов. Учет амбивалентной роли империй в нациостроительстве, имперского и регионального контекстов позволяет выйти из узких рамок дискурса национального возрождения с его «антиимпериалистическим» пафосом.

Практически все регионы в большей или меньшей степени полиэтничны, и их облик определяется балансом разнородных стихий. Иногда такой баланс получался весьма гармоничным, что, например, констатируют историки Буковины. Вхождение края в состав межвоенной Румынии нарушило присущий ему межэтнический мир¹⁷. Впрочем, не одни этнические начала выполняли регионообразующую функцию, и не только этнизация культуры определяла пути ее развития. Это наглядно прослеживается по данным ментальной географии, нацеленной на изучение представлений о пространстве.

В случае разделенных наций, когда императив *devida* реализовывался с максимальной полнотой, национальные пространства выходили за рамки отдельной империи. Поэтому в типологии должны учитываться и межимперские региональные общности, своего рода протоеврорегионы с не только этнической, но

¹⁷ Круглашов А. Н. Феномен буковинской полиэтничности: Региональная ретроспектива // Белоруссия и Украина: история и культура. Ежегодник. — М., 2008. Вып. 3. В печати.

и определенной хозяйственной общностью. Если связь между частями разделенных наций велика, то это обеспечивает дополнительный аргумент в пользу модели региона империй. Однако в условиях, когда складывание наций не было завершено, разделенность этнических массивов государственными границами создавала стимул для этнодифференциации. Впрочем, следует признать, что обычно обе означенные тенденции сосуществуют и, взаимодействуя, служат источником вариативности развития. Региональный и имперский контексты оказываются принципиально важными для реконструкции процессов.

Представления о разделенности генерируют идеи собирания земель, соборности, а также доминантного для национального пространства региона-ядра. Они играют существенную роль в формировании сценариев нациостроительства и внешнеполитических стратегий. Примером в этом отношении может служить Галиция, которая из регионов Австро-Венгрии в отечественной историографии изучена, пожалуй, наиболее подробно как раз в силу особого восприятия данного региона в дореволюционной России. Накопленный исследовательский опыт показывает неоспоримые преимущества регионального подхода со свойственной ему комплексностью и системностью.

Национально-региональные вопросы нередко превращались в общеимперские. Связанные с конкретным регионом сценарии (особенно реагирования на вызовы), модели и управленческие кадры находили применение в других регионах. С точки зрения внутривнутриполитических стратегий и геополитического проектирования можно говорить об имперских регионах как объектах и продуктах имперского конструирования. Однако при этом необходимо делать поправку на то, что регионы обладали собственными механизмами саморазвития, которые более или менее адекватно осмысливались властной элитой и научной мыслью. Внутриимперские регионы не являлись калькой административно-территориального деления. Управленческая обособленность, однако, способна становиться регионообразующим фактором и в качестве такового восприниматься угрозой целостности империи.

Имперская и региональные идентичности выступали элементами сложной, иерархически организованной и достаточно динамичной системы идентичностей. Имперская идентичность эволюционировала от традиционного подданства сословий правящей династии ко всеобщему равенству перед законом. Параллельно происходила трансформация конфессиональной доминанты в этнонациональную. В этой системе координат региональная идентичность могла коррелировать как с традициями, так и с новациями.